

Тебе, мой читатель.
Я была счастлива писать для тебя историю Саймона.
Спасибо.

УПИТАННЫЙ ГОЛУБЬ

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Саймон Торн открыл глаза. Он лежал в спальнике на полу своей комнаты, тяжело дышал и вспотел, потому что солнце было уже очень жарким. Всего мгновение назад ему снился кошмар, и хотя Саймон не помнил, что именно в нём было, его не покидало чувство, что нужно куда-то бежать, пока не стало слишком поздно.

Тук. Тук-тук-тук.

— Будь добр, скажи своим дурацким голубям, что не все тут хотят вставать в шесть утра, — пробурчала Уинтер, свернувшаяся клубочком на кровати Саймона. Точнее, на бывшей кровати — Саймон спал на ней до прошлого сентября, когда они с дядей Дэррилом ещё жили в этой квартире. Но сейчас на улице цвёл май, и изменилось не только время года.

Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Уинтер застонала и накрыла голову подушкой.

— Если ты их сейчас же не заткнёшь, я открою окно и сделаю из них...

— Блинчики с голубями? — спросил Саймон, вставая. Уинтер, сморщившись, взглянула на него из-под подушки.

— Фу, нет, гадость какая. Кто вообще будет есть блинчики с голубями?

— Забудь, — пробормотал Саймон, приоткрывая окно. На подоконнике перед пожарным выходом толпился десяток голубей, пытающихся пропихнуться вперёд.

— Еда? — спросил самый упитанный из них. Саймон его знал — он прилетал каждое утро. Мысленно вздохнув, он достал из закрытого пластикового контейнера со стола пару кусочков хлеба и бросил в толпу, безрадостно наблюдая, как голуби дерутся за чёрствые крошки.

— Никто не заставляет тебя туда идти, — приглушённо заметила Уинтер. — Ты вчера ничего не нашёл, сегодня не найдёшь, и завтра тоже.

— Возможно, — сказал Саймон. — Но я всё равно проверю.

Она что-то неразборчиво проворчала и зарылась в подушку ещё глубже.

— Ладно. Иди, если тебе неймётся. Но кое-кто уже явно встал, потому что я чую кофе, а прикрывать я тебя больше не стану.

Но Уинтер лукавила — она прикрывала его каждое утро, что они встречали в квартире, куда Саймон и не надеялся больше вернуться. Но он всё равно кивнул, прикрыл глаза, представляя голубя, и тело его начало уменьшаться.

Всё закончилось так быстро, что он едва заметил, как кожа покрылась перьями, как руки обернулись крыльями, босые стопы — когтями. Даже изменившееся зрение, практически позволяющее заглянуть себе за спину, ни-

чуть его не смутило, и стоило человеческому телу превратиться в птичье, как он вскочил на подоконник, вливаясь в голубиную стаю. Птицы, остервенело хватающие крошки, прервались и попятились подальше от него. Саймон их понимал, в общем-то. Если бы у него на глазах голубь внезапно обернулся человеком, он бы тоже отступил назад. Но за несколько недель многие птицы привыкли к Саймону, поэтому вскоре вернулись к трапезе.

— Не умри, — сказала Уинтер и с тихим стуком закрыла окно. Через стекло Саймон смотрел, как она возвращается в постель, и оторвал взгляд, только когда в него врезался тот самый упитанный голубь.

— Мог бы и остальным оставить, — проворчал Саймон. Голубь курлыкнул.

— Еда? — снова спросил он, и Саймону пришлось сдерживать тихие ругательства, чтобы его не спугнуть.

— Заканчивай, и полетели, — сдался он. Голубь, не замечая его плохого настроения, вновь накинулся на горбушку. Самому Саймону тоже хотелось есть, но он так и не смог заставить себя поклевать хлеб. Несмотря на то что он был анимоксом, человеком, способным превращаться в животных, Саймон так и не привык питаться ни в одном из доступных ему обличий.

А таких было много — столько, сколько он хотел. Он мог становиться голубем, волком, дельфином — кем угодно, потому что Саймон отличался от обычных анимоксов, которые превращались в какое-нибудь одно животное. Он происходил из рода Звериного короля, тирана, жившего пятьсот лет назад, который украл способности множества анимоксов, — а теперь эти способности передались Саймону. Те немногие, что знали о его силах, считали их крутыми и полезными, достойными хвастовства, если бы не были такой большой тайной, но Саймон знал печальную правду. Его силы и правда особенные — на-

столько, что поставили Пять Царств анимоксов под угрозу войны, о которой те пока даже не знали.

Неудивительно, что ему снились кошмары. В голову постоянно лезли мысли о назревающем конфликте, и даже свежий утренний воздух не помогал. В последнее время вообще ничего не помогало, какие бы усилия ни прикладывали Уинтер, друзья и семья. Он знал, к чему всё идёт, и понимал, что не остановит войну, даже спрятавшись от мира анимоксов в своей старой квартире.

— Да заканчивай уже, — нетерпеливо сказал он голубю, который не мог оторваться от еды. Уинтер была права — времени было мало, потому что скоро за ним должен был прийти дядя Малкольм. Если он поймёт, что Саймон в очередной раз сбежал на улицу, несмотря на прямой запрет, то точно заставит его месяц драить туалеты.

Поэтому, окончательно отчаявшись, он сделал то, чего делать не следовало: обернулся маленькой собачкой и громко гавкнул, распутивая голубей. Идея была дурацкой, но в переулке никого не было, а так он спасся от очередного спора с Малкольмом, значит, риск того стоил. Голуби взмыли в воздух, и Саймон, вновь сменив облик, присоединился к ним, безупречно слившись с толпой — спасибо нескольким неделям тренировок. К счастью, стая не стала возвращаться к крошкам, оставшимся на пожарной лестнице, а полетела напрямиком к манящей зелени Центрального парка, располагавшегося на соседней улице.

Когда Саймон ещё не знал о существовании анимоксов, не познакомился с Уинтер и Малкольмом, когда даже не подозревал, что в нём скрывается нечто особенное, он каждое утро шёл в школу, срезая дорогу через северо-западный угол Центрального парка. Даже сейчас, пролетая сквозь едва распутившуюся листву, он видел тропинку, по которой ходил бесчисленное множество раз. Одно-

классников не видно — слишком рано, — но он представил себе Колина Хартвуда, бывшего лучшего друга, и Брайана Баркера, который постоянно его задирает, вместе шагающих по дороге с рюкзаками, набитыми учебниками. В школе Саймон был несчастен, но он бы отдал всё, чтобы вернуться во времена, когда судьба мира не лежала на его плечах. Когда жизнь была простой, а дядя Дэррил — живым.

Дядю убил правитель Царства Птиц — Орион — и дедушка Саймона. И сколько бы друзья и семья ни убеждали Саймона, что он ни в чём не виноват, он отказывался верить. Это за ним дядя Дэррил поднялся на самый верх Небесной башни, небоскрёба в паре улиц от Центрального парка. Это его он пытался защитить и лишился жизни, умерев на глазах у Саймона.

Его смерть стала первым событием в цепочке кошмаров, начавшейся, когда Саймон узнал об анимоксах. И сейчас, несколько месяцев спустя, казалось, что вся его жизнь разделилась на «до» и «после». И он твёрдо пребывал в «после» — а потом Малкольм решил, что укрываться от анимоксов будет лучше всего в том же месте, где дядя Дэррил прятал Саймона большую часть его жизни. Снедаемый мыслями о прошлом, Саймон уже не знал, двинется вперёд или назад.

Голуби резко повернули влево, в сторону Гарлема — района к северу от Центрального парка. Саймон, не ожидавший этого, за ними не полетел и остался в компании одного лишь солнца, поднимающегося из-за горизонта. В стае безопаснее — если за ним следят, разглядеть его среди голубей будет сложнее. В одиночку же он станет лёгкой добычей для армии Ориона.

Но Орион не знает, что Саймон умеет превращаться в разных животных, иначе давно бы его выследил. А поскольку Птиц поблизости Саймон не замечал, то мог сме-

ло предполагать, что Царство Птиц до сих пор считает, что он способен превращаться только в орла, как и сам Орион. Значит, с ним всё будет хорошо, если Птичья армия вдруг не раскроет его тайну именно сегодня. Глубоко вдохнув, Саймон отбросил все сомнения и резко повернул вправо, в Центральный парк. Время поджимало, и он не мог тратить его на голубей.

Когда он пролетел над водохранилищем, по коже пробежали мурашки — кажется, среди деревьев неподалёку мелькнул ястреб, но он пропал так быстро, что Саймон не успел его разглядеть. Крепко стиснув клюв, он ускорился, проносясь над лодочной станцией и статуями, украшающими парк, над людьми, пораньше вышедшими на пробежку или выгулять собак, пока не добрался до ограды зоопарка. Но его интересовал не сам зоопарк — а школа, спрятанная под землёй.

Передовой Результативный Институт для Юных Талантов, он же ПРИЮТ — лучшая школа анимоксов в стране. Там учились самые сильные представители Зверей, Рептилий, Насекомых и Арахнидов, а также анимоксы из Подводного Царства, и в начале года Саймон к ним присоединился. Именно там он познакомился с дядей Малкольмом — и, к удивлению Саймона, со своим братом-близнецом, о существовании которого даже не подозревал. Нолан тоже не знал о Саймоне, что привнесло в жизнь новые сложности, о которых Саймон хотел бы забыть по многим причинам.

С тяжёлым сердцем он приземлился на решётку вольера с тюленями в центре зоопарка. Столь ранним утром на территории никого не было, и при виде пустых мощёных тропинок Саймон содрогнулся. Обычно даже после закрытия зоопарка его патрулировали волки, которых приходилось избегать. Но они давно оставили обязанности, и это было непривычно.

Внимание привлёк ястребиный клич, и Саймон быстро обернулся, ища глазами птицу. Поблизости никого не оказалось, но это не значило, что за ним не наблюдают.

Неужели Птицы всё же прознали? Кто-то заметил, как он обращается в голубя, или за ним следили, когда он стал псом? Саймон даже не пытался скрыться от чужих глаз. Раньше Орион уже посылал голубей шпионить за ним, и кто угодно из стаи мог донести ему.

Несколько минут Саймон ждал. Он и сам не знал, чего именно — может, клёкота. Подозрительного птичьего крика. Появления армии Ориона, состоящей из самых опасных хищных птиц. Но ничего подозрительного не было слышно — лишь привычные звуки города и зверей, проснувшихся с восходом солнца. И если Саймон хотел вернуться до того, как Малкольм заметит его отсутствие, нужно было пошевеливаться.

Решительно хлопнув крыльями, он перелетел в скрытый закуток неподалёку от входа, где стояли две статуи волков. Статуи были не простыми — под ними покоились могилы его отца и дяди Дэррила. Саймон приземлился перед каменным волком, беззвучно воющим на невидимую луну, внимательно проверил, нет ли кого поблизости, а затем обернулся человеком. Он знал, что рискует, но приходил сюда уже несколько недель подряд, и пока никто его не поймал.

— Так странно жить в нашей квартире без тебя, — пробормотал он, обращаясь к воющему волку, по морде которого бежал шрам — точно такой же, какой был у дяди Дэррила. — Иногда я натываюсь на дядю Малкольма и вижу в нём тебя.

В такие моменты тяжелее всего. Он знает, что по отношению к Малкольму это нечестно, но в глубине души, несмотря на все события прошедшего года, до сих пор оплакивает единственного родителя, с которым рос.

И не важно, что Дэррил приходился ему дядей. Мама навещала его раз в сто лет, задерживаясь всего на пару часов, и всё их общение сводилось к открыткам, которые она посылала Саймону каждый месяц из разных уголков страны. Настоящей семьёй для него был дядя Дэррил, который всегда оставался рядом.

Саймон посмотрел на вторую статую. Каменный волк склонил голову, и хотя он был моложе первого и не носил шрамов, было в нём что-то печальное, будто он понимал, что так и не прожил жизнь, которой заслуживал. Саймон не знал своего отца — Орион убил его ещё до рождения Саймона. Но именно Люк Торн передал им с Ноланом способности Звериного короля, и он ощущал с отцом связь, которую не мог выразить словами.

— Я не знаю, что делать, — тихо признал он, обращаясь скорее к себе, чем к холодному камню. — Уже несколько недель прошло, а дядя Малкольм так и не нашёл Нолана с Селестой. За ними охотится вся стая, а если мы их не отыщем...

Он виновато поглядел на статую Дэррила. Дядя умер, защищая Саймона, но вместе с тем — чтобы не позволить Ориону добраться до Сердца Хищника, оружия, с помощью которого Звериный король много столетий назад присваивал способность анимоксов. Расправившись со Звериным королём, все Пять Царств забрали и спрятали по Осколку Хищника, чтобы больше никто не собрал оружие. Но мама Саймона нашла тайники — и Орион, её отец, похитил её, чтобы заставить украсть Осколки. Но оказалось, что в открытках, которые она всю жизнь посылала Саймону, скрывались подсказки к местонахождению частей Хищника. В итоге у Ориона остались два Осколка, а Саймон с помощью открыток нашёл три оставшихся.

Но не только Орион за ними охотился. Селеста, мать Малкольма и бывшая Альфа Царства Зверей, тоже хотела

их заполучить. Селеста усыновила папу Саймона и вырастила его как собственного ребёнка — то есть прихотилась Саймону бабушкой. Сам он так и не смог её признать, но Нолан провёл с ней всю жизнь. Он любил её, и в апреле она каким-то образом уговорила его украсть Осколки, которые нашёл Саймон, и сбежать с ней, бросив остальную семью. Бросив Саймона. И теперь всё, над чем он работал с сентября — всё, что он разузнал, все предпринятые шаги, всё, ради чего умер дядя Дэррил, — пропало. А как только Селеста придумает, как выкрасть у Ориона оставшиеся Осколки, она соберёт оружие и получит все силы анимоксов, какие только захочет. И хотя она обманом заполучила доверие Нолана, Саймон не сомневался: она убьёт брата с помощью Хищника, поглотит могущество Звериного короля и будет править Пятью Царствами анимоксов железной рукой.

Часы на противоположном конце зоопарка пробили семь утра, и Саймон дёрнулся от неожиданности. Малкольм должен уже проснуться, но Саймон никак не мог заставить себя посмотреть на выщербленный камень у подножья статуи дяди Дэррила. Потому что сколько бы он ни искал их глазами, сколько бы ни надеялся, открыток под ним никогда не было. Нолан его бросил. Мама его бросила. И хотя ему было всего двенадцать и он понимал, что никто не должен был сваливать на него такую ответственность, Саймон знал: если он будет прятаться и медлить, то вина за гибель всех анимоксов ляжет на его плечи.

Он пообещал себе, что больше не придёт. Летать и превращаться в общественных местах опасно — и, может, стоило поговорить с Малкольмом и вместе решить, что делать дальше. Они могли бы что-нибудь предпринять, а не просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь соберёт Хищника. Хотел Саймон того или нет, но Осколки нужно